

Цзин Ли смотрел в полном недоумении, лихорадочно пытаясь вспомнить, не совершил ли он чего-нибудь эдакого.

На экране шли кадры, и Цзин Ли впервые видел себя со стороны. Рядом слышалось ровное дыхание Э Цзяо, а перед глазами — их случайная встреча. От этого странного чувства уши у Цзин Ли наверняка покраснели.

Вот на экране Э Цзяо входит в кофейню и останавливается перед Цзин Ли. Комментарии снова взрываются. Цзин Ли видит сплошные «Аааааа!» и «Я ещё придерживаюсь здоровых ценностей?» — причём последняя фраза уже набрана жёлтым цветом. Он почувствовал, что, возможно, окончательно отстал от молодёжи.

Дальше пошли кадры, где они перешёптывались. Цзин Ли огляделся — сегодня была групповая съёмка, и Сяо Лея не было. Ему пришлось вернуть взгляд на экран, мысленно признав, что Сяо Лей снял их вместе очень удачно. Широкая публика, судя по всему, была того же мнения: комментарии пестрели вопросами «Как назвать этот шиппинг?».

А потом зрители прямо в комментариях начали обсуждать это между собой.

Цзин Ли заметил, что камера направлена прямо на него — наверняка, чтобы поймать его реакцию на эти комментарии. По какому-то наитию он обернулся к Э Цзяо и обнаружил, что тот, потирая подбородок, смотрит на экран с нахмуренным лбом, совершенно не замечая его взгляда.

Э Цзяо обычно вёл себя крайне самоуверенно, на его лице читались только уверенность и ещё раз уверенность. Цзин Ли впервые видел его таким озабоченным и чем-то явно обеспокоенным.

Он тихонько ткнул Э Цзяо локтем и наклонился к его уху:

— Что такое?

Э Цзяо помедлил с ответом:

— Я понял, что в костюме я выгляжу лучше. Интересно, если я сейчас попрошу Лэй Цзюня привезти костюм, продюсеры разрешат?

Цзин Ли: «...Такого бесстыдства я ещё не встречал».

Проигнорировав наглость Э Цзяо, Цзин Ли продолжил:

— Ты... не принимай близко к сердцу то, что пишут в комментариях. Пользователи любят пошутить.

Э Цзяо, не будучи знаменитостью, не нёс этого груза:

— Комментарии? Эти слова на экране? Тут пишут, что мы хорошо подходим друг другу. Разве это шутка? Мне кажется, это правда.

Э Цзяо говорил не понижая голоса. Цзин Ли нервно глянул на камеру — уловила ли она это? — а стоявший рядом Е Юньян, явно услышав и заметив смущение Цзин Ли, лёгким покашливанием ловко вывел его из неловкого положения:

— Тема этого этапа — воспоминания. Появились мысли для песни?

Цзин Ли с благодарностью посмотрел на Е Юньяня и серьёзно ответил:

— Раз уж это совместная работа, она должна быть связана с опытом нас обоих. Я хочу объединить наши с Э Цзяо воспоминания в песню. Получится что-то светлое, но с лёгкой грустинкой.

Е Юньянь кивнул. Хотя вопрос задал он, продолжать разговор он не стал, и лицо его почему-то потемнело. Цзин Ли не понимал, в чём дело, и тоже повернулся к экрану.

Пока они все вместе смотрели первый выпуск, фанаты в сети тоже не теряли времени даром. У каждого участника была внушительная армия поклонников, и все рьяно рекламировали своих кумиров, борясь за первое место в рейтингах. Один за другим всплывали новые тренды, привлекая любопытствующих обывателей. Те заходили в ролики с нейтральным «эммм...», а выходили с восторженным «оооооо!».

Посмотревшие тут же неслись в обсуждения трендов, подливая масла в огонь. На фоне огромной массы обычных зрителей фанаты постепенно терялись, и ленты почти полностью заполнялись комментариями от случайных людей. Помимо редких восторженных возгласов о чьей-то неземной красоте, все обсуждали с самых разных ракурсов, какая же у Цзин Ли и Э Цзяо химия, осыпая их комплиментами. После выхода трейлера прошлое Э Цзяо, которое уже успели раскопать, снова пошло в ход.

Весь вечер Цзин Ли и Э Цзяо не сходили с первой строчки трендов.

А в особняке Цзин Ли в это время мучился совсем с другой проблемой: готовкой.

После просмотра все снова проголодались. Они сыграли в камень-ножницы-бумагу, чтобы решить, кто будет готовить, а кто — мыть посуду. Цзин Ли вызвался сам — он терпеть не мог мытьё посуды, да и его «везучесть» сыграла свою роль. В итоге он, конечно, проиграл. Так вышло, что их с Э Цзяо пара должна была готовить, но не мыть. Вот только он упустил из виду, что это командная работа, и насколько же ненадёжен господин президент Э.

Когда Э Цзяо разбил уже третью тарелку, у Цзин Ли лопнуло терпение.

Разъярённый, он упёр руки в боки и ткнул пальцем в беспечно стоявшего президента, который даже не понял, что натворил:

— Ты! Ты отныне запрещён на кухне. Немедленно выйди!

Президент, прислонившись к стене и засунув руки в карманы, ответил с наглой ухмылкой:

— Раз уж я вошёл, то не выйду.

Детский спор разгорелся и вскоре свелся к следующему:

— Выйди!

— Не выйду, останусь здесь!

Их перепадка серьёзно затормозила процесс приготовления ужина. В конце концов проголодавшиеся вытолкнули вперёд Юэ Ни. Так та стала свидетельницей этой душераздирающей сцены.

— Ваш диалог слишком неприличен для детских ушей! Мой внутренний ребёнок получил

тонну урона, требую моральной и материальной компенсации!

Цзин Ли, только услышав голос Юэ Ни, обнаружил её рядом. Он ничего предосудительного не делал, но чувствовал себя так, словно его поймали за руку, и в смущении не знал, куда деть руки. Толстокожий Э Цзяо, напротив, ничуть не смутился и даже парировал:

— Чем это мы неприличны? К тому же мы с Цзин Ли оба мужчины и детей завести не можем. На каком основании ты тогда наш ребёнок?

Юэ Ни только поморгала, беспомощно развернулась, решив проигнорировать Э Цзяо, и обратилась к покрасневшему Цзин Ли мягким голосом:

— Там снаружи бездельники уже стучат ложками по тарелкам и орут, что голодны. Приготовь что-нибудь попроще, все устали после целого дня съёмок и хотят поскорее отдохнуть, не нужно ничего замысловатого.

Сказав это, Юэ Ни бросила на Э Цзяо убийственный взгляд и удалилась.

Цзин Ли ещё когда Юэ Ни произнесла «неприличен», всё понял. «Выйди-войди» — и правда звучало двусмысленно. Но Э Цзяо был пугающе простодушен, и Цзин Ли, сдержавшись, решил ничего не объяснять. Продолжать этот разговор тоже было невозможно, и он развернулся к плите.

Э Цзяо с интересом наблюдал, как Цзин Ли покраснел до самых кончиков ушей. В его памяти Цзин Ли всегда улыбался той мягкой улыбкой, в которой будто не было ни радости, ни печали, — улыбкой, способной безоговорочно принять весь мир. Но нынешний Цзин Ли давал ему почувствовать нечто иное — ощущение жизни.

Ужин был приготовлен под пристальным наблюдением Э Цзяо.

Как выяснилось, когда ему не мешают, Цзин Ли весьма эффективен. Салат «Цезарь» был для сидящих на диете, остальные блюда — простые домашние: суп из свиных рёбрышек с морской капустой, жареные грибы, тушёные сезонные овощи для тех, кто не любит острое, рыба голова в остром соусе и крабы по-сычуаньски для любителей перца.

Когда блюда поставили на стол, у всех округлились глаза. Первым попробовал Е Юнъянь и не удержался, чтобы не показать большой палец. Салат Цзин Ли готовил в расчёте на Юэ Ни — всё-таки актриса должна следить за фигурой. Но та, не говоря ни слова, взяла самую большую пиалу, наложила полную риса и принялась уплетать за обе щёки. А вот Юэ Ни, хотя и смотрел на блюда жадно, в итоге с несчастным видом взял салат.

Цзин Ли тихо вздохнул: оказывается, чтобы быть хорошим айдолом, нужно не только красивое лицо.

Ужин прошёл прекрасно, все наелись досыта. После еды режиссёрская группа приказала всем разойтись по комнатам и отдыхать. Участники, и правда уставшие за день, разбрелись и сразу заснули.

На следующее утро ассистент режиссёра постучал в дверь Цзин Ли ни свет ни заря. Тот, потирая глаза и надевая очки, открыл, ожидая очередной внезапной съёмки подъёма. Однако за дверью стоял перепуганный ассистент, который, едва увидев Цзин Ли, сунул ему в руки телефон:

— Цзин Ли, на тебя подали в суд! Твой менеджер всё время тебя ищет, срочно перезвони ей.

Цзин Ли: «???»

Едва открыв дверь ранним утром, он получил такую новость. Взяв телефон, он попытался успокоить ассистента:

— Не волнуйся так. Ты сказал, на меня подали в суд? Это Ню Усе сообщила вам? Она просила, чтобы я ей перезвонил?

<http://bllate.org/book/15943/1425055>